

В год Тысячелетия Крещения Руси, на день памяти просветителей славянства Кирилла и Мефодия, в Новгороде проходил третий Праздник отечественной письменности и культуры. И вот сутки спустя, на выходные, русские писатели изъявили желание, пользуясь счастливым случаем, побывать в имении Гавриила Державина Званке, стоявшей прямо на берегу Волхова. Нам выдали суденышко на воздушной подметке и пустили в плавание. Не все, но некоторые знали, что сами строения сметены напроць с лица земли войной. Но вдруг, когда сия воздушная «Заря» причалила к пустынному плесу, навстречу встал человек и сказал: «А я вас давно здесь жду...»

Это оказался один из тех, кем еще земля наша держится: петроградский ученый и просвещенный любитель истории Н. Калинин. Сам по себе и, конечно, без некоторой выгоды он приобрел клочок выморочной тамошней земли из одной только любви к великому писателю и установил на месте, где некогда стоял его дом, а впоследствии монастырь, памятный камень.

Перед нами гравюра — сделанная с рисунка, изображавшего владение Гавриила Романовича. Она достаточно известна. Менее известно, что на обороте оригинала были два четверостишия тех людей, которых сие зрелище соединило. Конечно, они не представляют собою высочайшего достижения лирики; но тем не менее являют совсем недюжинную ценность.

Итак, Державин начертал:

На память твоего,
Евгений, посещения,
Усадьбы маленькой
изображен здесь вид.
Гораций как бывал
Меченом в восхищеньи,
Так был обрадован тобой мурза-писит.

А гость его отвечал столь же кратко.

Средь сих болот и ржавин
С бессмертным эхом вечных скал
Бессмертны песни повторяя
Бессмертны наш певец Державин.

Беседа на живописном листе сама по себе имеет немалую историю с предисловием, интригой и величественным концом. Рассказывать ее подробно, наверно, навряд ли следует, но стоит обратить внимание на некоторые подробности, ибо в них зачастую гораздо точнее, зато кратче, выражена художественная красота.

Познакомились двое знаменитых современников в 1805-м: в первый раз архиепископ-писатель Евгений, жительствовавший в Хутынской обители, что в тридцати верстах от имения Державина, хозяина в Званке не застал. Второй визит оказался счастливее. «Препроводил с отменным удовольствием время, целые сутки. Начитался, наговорился и получил еще надежду впредь пользоваться знакомством нашего Горация. Слышал собственными ушами тысячу эх, около его живущих, и теперь только понял, что такое в его сочинениях значит «грохочет эхо». Подлинно, может быть, из всей России в одной только его деревне этот чудный феномен Натуры, которому, не слышав, трудно поверить...» — отозвался вскоре же духовный писатель светскому. И он был ох как прав: посетивший всего несколько десятков лет спустя то же имение усерднейший академик Грот даже из опросов местных крестьян уже ничего не слышал про знаменитое званское явление; с кончиной своего певца и оно как бы умерло, но зато по сей день продолжает откликаться в его творениях. Ибо именно владыка Евгений подвиг Державина написать и знаменитое послание «Жизнь Званская», ему лично направленное, и не менее великолепное стихотворение с тем же именем — «Эхо», запечатлевшееся в русской словесности строками:

Возвратным грохотаньем грома
Гремит и удивляет мир...

Предмет данного слова, как было заявлено, весьма кратче описания взаимоотношений двух исторических деятелей. Он касается известного сообщества «Беседа любителей русского слова», в котором Державин был главой «Второго разряда», а преосвященный епископ Вологодский и Устюжский Евгений — первым из почетных членов. Сегодня мне довелось вновь посетить и бывший дом Державина на набережной Фонтанки, 118, где происходили собрания «Беседы». Первый раз, уже почти десять лет тому, когда выпало счастье заниматься изданием единственной книги избранной прозы Гавриила Романовича, вышедшей в России в нынешнее столетие, я тоже потянулся туда попасть. О ту пору

Мит. Россия. — 1993. — 30 апр. (№17). — С.11. ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН И МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ БОЛХОВИТИНОВ

здание было поделено на коммунальные клетушки. Нынче грязные перестроенные заведения, а в кабинет, где были написаны самые знаменитые оды и повешена в прошлом веке доска, и вовсе ходу нет.

Поэтому, говоря о роли митрополита Евгения в «Беседе», державинского вопроса не обойти — но постараемся выделить здесь часть, по чести принадлежащую именно владыке, ибо хотя на родине поэта так и нет ни единого музея, ему посвященного, доказывать его первенствующую в литературе позицию нужды нет.

Великолепно образованный епископ, знавший не просто классические языки христианской традиции, но также созданную на них духовную и светскую литературу, совсем неспроста сделался ближним корреспондентом знаменитого стихотворца. Причем сотрудничество их приняло характер не случайного знакомства, а совместной работы. Сперва в 1805 году по вызову владыки Державин принял за составление своего жизнеописания — в исходной краткой редакции оно вышло в 1821 — 1822 годах под именем «Ключа». Несколько позже, во время наполеоновских войн, то же начинание вылилось в знаменитые «Записки».

В 1809-м Державин послал владыке Евгению на отзыв свою пьесу, посвященную русской истории, и получил ответ со словами: «Патриотизм разлит по

всей трагедии разительнейшими чертами, которая могут пристыдить нас в нынешнее время...».

Да и про то же эхо он писал в подобных тонах, причем отнюдь не без художественного смысла: «Будет и Званка звонка вашими песнями так, как звонка она своим эхом. Сии два звона будут в потемстве вечным колоколом для республики русских стихотворцев».

Вряд ли стоит пояснять, что для двух природных монархистов ссылка на пошлый образ правления была не более, чем речевой фигурой.

Любопытно даже, что произведением, которое Державин вынес на суд «Беседы любителей русского слова», были не стихи либо пьеса, а «Рассуждение о лирической поэзии или об оде». И главным его советником при составлении, а потом исправлении текста, помещенно-

Петр ПАЛАМАРЧУК

го в издаваемых обществом повременных «Чтениях», был владыка Евгений. А еще примечательней — и печальнее, — что единственная вышедшая книга про «Беседу» была написана хоть и долголетним жителем города на Неве, но, однако, нынешним американцем Марком Григорьевичем Альшуллером. И имя у работы куда как значимое: «Предтечи славянофильства в русской литературе». Только место выпуска — Ардис, Анн Арбор, штат Мичиган.

Там молвлено не без двусмысленности, но определено: «Самый беглый взгляд, брошенный на членов «Беседы», показывает, что перед нами объединение, располагавшее первоклассными литературными силами. Здесь талантливейшие писатели старшего поколения: Державин... крупнейшие литераторы «второго ряда... ученые». Первым из ученых назван владыка Евгений.

И петербургский исследователь В. А. Западов, говоря о работе Державина с архиепископом над трудом о поэтике, подчеркивает, что то был «наиболее компетентный в этот период историк литературы».

Удивительно, что при таком обладании запасом классических знаний архиепископ нашел совершенно, казалось бы, для тех удобопреклонных перед Западом времен полностью иную позицию. В своих письмах и примечаниях на рукопись поэта он не устает настаивать на достоинствах церковнославянского языка: «В приведенных Вами примерах из ИРМОСОВ с первых слов видна великолепная загадка, возбуждающая внимание слушателя и разрешающаяся последними словами. Эта заманчивость есть мастерство поэзии высокой. Но такими песнями преисполнен наш весь ИРМОЛОГИИ, ОКТОИХ, все КАНОНЫ и АКАФИСТЫ...».

И затем делает еще более несходное со всеми своими внешними современниками открытие, напрямую опять-таки перекидывающее мостик к славянофилам нынешних дней: «Европейские стопы и такты единообразием своих расстановок уютительны для вольного слуха и стесняют даже восприятие не только музыки, но и самой поэзии. Истинная красота есть подражание природе; а одномерным стопам и тактам ничего нет подобного в природе».

Причем сие есть одно из самых коренных убеждений образованнейшего зна-

тока мировой словесности: Пиндара, утверждает он в другом послании, «буквально перевести... можно разве только на русский язык. Прочих же языков обороты неспособны следовать ему слово за словом, а особенно в сложных словах, которые он отменно любит...».

Или еще: «...Славянский язык, подобно греческому, весь есть акцентный или ударительный мелодической... Наши церковные стихи по образу древней греческой музыки не имеют тактов. Но когда поет их искусный певец с вытяжкой всех разливов голоса и с речитативным иногда ускорением, то что может быть удивительнее сего ления? Тут видна точная греческая древняя музыка, сопровождавшая пиитов».

Наверное, после таких убеждений и могло появиться в державинском «Рассуждении» предложение: «...Народные наши песни подражательны древним греческим... и славяно-русский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латыни, ни в плавности греческому, превосходя все европейские».

И, как будто веков не прошло, наш современный академик С. С. Аверинцев на сей же предмет в работе «Славянское слово и традиции эллинизма» пишет о «встрече русской песенной стихии и эллинистического красноречия — чтобы слиться с ним в неразделимое целое».

Следующее ответственное положение — в особенности после приведенных только слов о связях византизма с русиством — обязанность непременно со вниманием относиться к тем, кто вольно, а пусть даже и нет пытается навязать кичливую гордость. Про предложенные Державину подделки рук клейменного владыкой Евгением как «древностелюбий проказник» отставного поручика грузинского происхождения А. И. Сулакдзева (наиболее вероятного сочинителя «Влесовой книги», «Лоба Адамля Х в. смерда Внесидилища», «Удотрепетника» и прочих) архипастырь Евгений пишет Державину: «Приведенные Вами отрывки древних славянорунических стихотворений весьма любопытны. Но пока не утвердятся они в достоверности своей критикой, Вам, яко знаменитому нашему писателю, не должно предварять совершенною достоверностью оным... Вся Европа зарежет критикой на них, а особливо злые немецкие...».

Проходившая всегда на воистину высоком уровне переписка двух именитых современников не ограничилась обсуждением чисто научных вещей. И владыка проявлял в ней отнюдь не лишнюю языковую меткость сноровку: выступив против, казалось бы, крепко привитых семинарским образованием разделенной поэзии по латинским правилам, он пишет: «Предметы художества и словесности бесцельны и не надобно стеснять числа их появившимся доньше числом искусников. Могут еще появиться и новые... Ибо совершенство беспредельно». И тут же, прося снять ссылку на самого себя, обосновывает это не той ложной скромностью, что паче гордости, а куда точнее: «Русские матери должны быть известны всякому русскому писателю самому, а не по ссылке на соотечественников. В иностранных материях только это простительно».

За день до смерти Державина — а тот умер в день памяти явления иконы Казанской Богородицы — не ведавший про то архиепископ снова шлет поэту вспомогательные заметки; и в них, помимо ученых примечаний, у него с языка срываются совершенно раскованные слова о ломоносовских рифмах: «многие по русскому упрямству ложились у него очень рогом».

Тут вступает в действие последний сюжет, на который хотелось бы обратить внимание. Сюжет о смерти, напрямую повязанный с вопросом бессмертия. Посетив архиепископа Евгения в Хутынской обители, Державин как бы случаем — хотя в православном предании есть мысль о том, что ничего даром в мире не происходит, — обронил: «Здесь так хорошо, что я хотел бы навсегда тут остаться!». Вместо ответа владыке Евгению судьба судила ответ своего корреспондента. И дать область последнего упокоения именно там. Сам же митрополит погребен в храме Софии Премудрости Божией в Киеве. Для тех, кто любит помнить все его как «матер городов русских», обратим внимание на небольшой комментарий «Настольной книги священнослужителя»: это дословный перевод греческого «митрополия». Так что свои судьбы имеют не только книги, но и люди.

Общение с владыкой Евгением принесло Державину не просто точное знание церковной словесности: в том же послании «Жизнь

К ЮБИЛЕЮ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

В связи с приближающимся 250-летием со дня рождения Г. Р. Державина в Союзе писателей России состоялось заседание оргкомитета под председательством С. Вихулова, на котором предварительно обсуждена обширная программа проведения торжеств, связанных с памятной датой. Намечено провести Международную конференцию «Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие», научную конференцию в Царскосельском лицее, общегородской торжественный вечер и праздничный концерт в С.-Петербурге, областный сельский праздник в усадьбе Званка, Божественную литургию в Софийском соборе и Хутынском монастыре, литературные чтения в Тамбовской области...

Торжества по случаю 250-летия со дня рождения великого русского поэта и гражданина Г. Р. Державина начнутся в мае и продлятся до осени, завершившись конференцией в ИМЛИ и торжественным вечером в Колонном зале Дома союзов.

М. ЗУБАВИНА,
ответственный секретарь
Юбилейного Державинского комитета

